

С. Г. Осьмачко

**Миф и стереотип в общественном сознании
(советская социальная реальность 1930-х – начала 1940-х гг. и современность)**

В статье рассмотрены различные аспекты советской социально-политической мифологии как доминантной формы существования политизированного общественного сознания советского общества, решавшего задачи догоняющей модернизации.

Представлены такие черты массового общественного сознания, как элементарность и догматизм, маргинальность, контрастность мировосприятия, этатизм, патернализм и крайняя степень мифологизации.

Выделены черты традиционной советской и постсоветской мифологии (в историческом, гносеологическом и конкретно-практическом значениях).

Дана характеристика базовым мифемам и мифологемам советского общественного сознания в период сталинизма, прежде всего таким, как вера в простоту и элементарность окружающего, сводимость мира к упрощенным идеологическим конструкциям и представлениям, вера в возможность чудесного преображения социальной реальности, в справедливость окружающего, гарантом которой выступал вождизм и пр.

Показана связь мифологического и религиозного сознания.

Определены характерные черты официальной советской идеологии сталинского периода. Оценены идеологические стереотипы, составившие основу идеологических воздействий в отношении населения.

Ключевые слова: сталинизм, тоталитаризм, социальная мифология, негативные идеологические стереотипы, мифема, мифологема, марксизм-ленинизм, идеология, идеократия, догоняющая модернизация, общественное сознание.

S. G. Osmachko

**The Myth and Stereotype in Public Conscience
(the Soviet social reality in the 1930-s – the beginnings of the 1940-s and the present)**

In the article various aspects of the Soviet socio-political mythology as a dominant form of existence of the politicized public conscience of the Soviet society, which was solving problems of the catching-up modernization, are considered.

The following features of mass public conscience are presented such as simplicity and dogmatism, marginality, contrast of attitude, etatism, paternalism and an extreme degree of mythologization.

Features of traditional Soviet and Post-Soviet mythology are pointed out (in historical, gnoseological and certain and practical meanings).

The characteristics is given to basic mythemes and mythologems of the Soviet public conscience in the period of Stalinism, first of all, such as belief in simplicity and simplicity of surrounding world, reducibility of the world to the simplified ideological constructions and representations, belief in possibility of wonderful transformation of social reality, in justice of surrounding world, which was guaranteed with leaderism and etc..

Connection between mythological and religious conscience is presented.

Typical features of the official Soviet ideology of the Stalin period are defined. The ideological stereotypes are estimated which made a basis of ideological influences on the population.

Keywords: Stalinism, totalitarianism, social mythology, negative ideological stereotypes, a mifema, a mytheme, Marxism-Leninism, ideology, ideocracy, catching-up modernization, public conscience.

Нельзя не заметить, что современное российское общество вновь переживает определенное «увлечение» И. В. Сталиным. Полагаем, что это объясняется как историческими, так и общими политическими, социально-экономическими и духовными факторами. Кого-то раздражают ошибки и непоследовательность псевдолиберального реформирования страны, а кто-то недоволен самим его фактом; но все замечают далеко не кажущуюся неэффективность нынешней российской власти, ее явно недостаточную деятельность по обузданию

коррупции, преступности, преодолению социального расслоения, подавлению национализма и пр.

Массовое желание простого и быстрого разрешения имеющихся проблем способствует возрождению целой цепи сталинистских мифов.

Власть чутко улавливает этот своего рода социальный заказ и отвечает на него (в ее понимании адекватной) консервацией ряда патриархальных традиций и практик, что в принципе не может быть полезным в деле усовершенствования отечественного социального порядка.

Дело заходит так далеко, что даже политически лояльная государству Русская православная церковь обратилась к народу с призывом «не строить идеалистических картин эпохи сталинизма», поскольку «опыт других народов показывает, что те же самые успехи могли быть достигнуты иными средствами – ориентированными на сбережение граждан» [3, с. 6].

Становление сталинистского политического режима в 1930-е гг. было обусловлено, в том числе, наличием в массовом общественном сознании ряда отличительных черт, к которым следует отнести

– стремление сохранить элементарный уровень осмысления сложных социальных процессов, упрощенчество и догматизм (думается, что это стремление исходило из наличия в народной толще значительных массивов примитивно мыслящих людей, недостаточно развитых, цивилизованных и пр.);

– маргинализированное мышление большинства населения, в массе своей оказавшегося в переходном и промежуточном состоянии. В данном случае особое внимание следует обратить на миграцию аграрного населения в город, так как многочисленные постколлективизационные «пополнения» рабочей среды, резкий рост городского населения за счет выходцев из деревни серьезно осложнили общественные отношения. Причиной тому выступала открытая враждебность новых горожан новым условиям жизни, когда старый полуобщинный сельский мир оказался насильственно уничтожен, а городской быт представлялся (и реально являлся) враждебным и непонятным. Пресловутые новые горожане пополняли нижний слой городского населения, они активно противопоставляли себя культуре, правопослушанию, цивилизованному быту и пр.; причиной тому стала их насильственная социальная трансформация. Так же общеизвестна тяга маргиналов к упрощенному социально-политическому доминированию, к «сильной руке», их готовность к репрессиям и пр.;

– контрастная картина мировосприятия, когда сложная цивилизационная ситуация сводилась к упрощенной, а то и просто к бинарной («черное» – «белое», «наши» – «чужие», «правильно» – «неправильно» и т. п.) модели;

– этатистские и патерналистские установки, отчуждение личного интереса и личной свободы в пользу государства (замещение Отечества властью, вождем, лидером, начальником; убежденность в том, что человек – всего лишь субъект коллективной воли, свободы и т. п.); атрофия политического участия, социальная пассивность, конформизм;

– крайняя степень мифологизации общественного сознания.

Мы полагаем, что именно мифологизированность являлась (и является сейчас) доминантой национального общественного сознания, поэтому остановимся на этой актуальной и значимой теме подробнее. *К числу основных характеристик советского (и постсоветского) мифа необходимо отнести следующие:*

в историческом смысле:

– мифология – это исторически конкретная форма общественного сознания; способ понимания мира, характерный для неразвитого мышления народа на заре его истории; определенное символическое выражение некоторых событий прошлого;

– миф – это древнее сказание народа о происхождении и сущности мира, о явлениях природы, о богах, легендарных героях, мудрых правителях и т. п.;

– мифология – это самая ранняя форма духовной культуры человечества, объединяющая зачатки знаний, религиозных верований, нравственных и социально-политических взглядов, ранних видов искусства и философии;

– сохранение значительной доли мифологической компоненты в современном общественном сознании, определяющей его сущность и направленность, является показателем патриархальности, социально-политической устарелости, цивилизационной отсталости;

в гносеологическом смысле:

– миф является упрощенной формой сознания и самосознания; в каждой мифеме (наиболее сложная часть мифа) и мифологеме (основная идея мифа) мы обязательно находим черты простоты и всеобщности в истолковании себя и окружающего; в определенном смысле эта простота выступает заменой ясности, что может быть весьма привлекательным для слабо развитого сознания;

– миф, как и формируемое на его основе мировоззрение, не критичен; по своей сути он есть единая, нерасчлененная (синкретическая), универсальная форма сознания; из этого вытекает значительное практическое значение мифологической ориентации для формирования социально-политический представлений и т. п.;

в конкретно-политическом смысле:

– культурный код мифа – некий информационный контекст, но он всегда искаженно отражает окружающее и самого субъекта, приукрашивает их, каким-то образом мистифицирует и пр.; в этих «сказочных измышлениях» (при переходе к современности) всегда есть шанс положительного истолкования спорной реальности – политических, социально-экономических и духовных процессов и явлений; соответственно, это может играть поло-

жительное (и нет) значение для различных акторов политического процесса;

– мифизация известных, традиционных понятий производится теми или иными политическими силами в целях сакрализации собственного политического режима; речь идет о таких понятиях, как «государство», «власть», «народ», «коллектив», «право», «техника» и т. п.; если власть вступила на шаткий путь самомифологизации, то вышеприведенные (и им подобные) социально-политические понятия обобщающего типа преподносятся как рационально неосваиваемые и даже как «благоговейно воспринимаемые» [4, с. 272]; здесь спорность и альтернативность знания уступает место официальному одобрению (например, тема единого учебника по истории Отечества и пр.); получив результат в подобной деятельности, власть рассчитывает в будущем успешно осуществлять возможные мобилизации (в том числе военно-патриотические) народного духа.

Таким образом, частично естественное, частично навязанное мифологизированное общественное сознание 1930-х гг. искусственно примиряло сталинистские догмы и реальное социальное существование.

Выделим несколько базовых мифологем общественного сознания того периода, основанием которых являлась вера

– в простоту и элементарность окружающего, в то, что его можно описать, используя разнообразные комбинации первичных (простых и понятных) элементов (причем, один из вариантов «набора» объявлялся истинным, а остальные преследовались);

– в неизменность мира, что провоцировало массовую боязнь перемен, реформ, опасливое недоверие к реформаторам и пр.;

– в справедливость мира, что предполагает обязательное наличие неких гарантов справедливости, в том числе какой-то высшей инстанции подобного рода (символом справедливости, например, являлись И. В. Сталин, Политбюро ЦК ВКП (б), местные руководители, портреты которых вывешивались во всех общественных местах; эти персоны олицетворяли собой такие уровни понимания, как «Родина», «страна», «государство», «партия» и пр.);

– вера в чудо, в чудесную возможность решить любую практическую проблему, лишь потянув за «главное» звено, осуществив тем самым «правильный» подход к проблеме и пр.

В последние годы мы все были свидетелями многочисленных попыток объяснить сущность личности советского человека, звучали разнообразные оценки, в том числе оскорбительные («со-

вок») и пр. Мы полагаем, во-первых, что эта проблема имеет более широкие исторические рамки, нежели чем только период сталинизма (должен оцениваться национальный ментальный комплекс в целом); а во-вторых, согласимся с тем, что советскому человеку изначально были свойственны некие тоталитаристские черты – «преклонение перед властью, отсутствие сомнений в ее правоте, любовь к вышестоящим, наряду с жестокой нетерпимостью к нижестоящим» [8, с. 356] и пр. Сталинская власть стремилась использовать эти черты для насаждения «государственно-патриотического воодушевления», повсеместного признания того, что политическая система СССР «самая лучшая, а ее вожди – самые мудрые» [7, с. 22].

Ниже мы рассмотрим особенности советской государственно-политической идеологии, а сейчас обратим внимание на такую черту народного духа, как религиозность, сыгравшая свою роль в утверждении идеологии сталинизма («марксизм-ленинизма»).

Мифология и религия тесно связаны между собой, а в тоталитарном обществе они еще и активно сотрудничают, пусть не всегда открыто и официально. Советская власть решительно порвала с религией и даже взяла курс на ее подавление, вплоть до окончательного уничтожения. В результате народное сознание потеряло устойчивость, ранее обеспечивавшуюся «подпорками» веры в Бога. Новой опорой – *новой религией – выступил марксизм-ленинизм (официальная идеология советской правящей элиты)*.

В словах И. В. Сталина, произнесенных в беседе с главным редактором центральной партийной газеты «Правда» П. Н. Поспеловым («Марксизм – религия рабочего класса, его символ веры»), крылся глубокий социально-политический смысл. Об этом также писал А. Тойнби: «Мы видим, как марксизм превращается в интеллектуальную и эмоциональную замену православного христианства с Марксом вместо Моисея, Лениным вместо Мессии и собраниями их сочинений вместо священного писания» [6, с. 341].

Сходство «религии рабочего класса» и просто религии отмечал еще Н. А. Бердяев: «Можно установить следующие черты марксизма: строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое может быть лишь истолковываемо, но не подвергнуто сомнению; разделение мира на две части – верующих – верных и неверующих – неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; перенесение совести на выс-

ший орган коммунистической партии, на собор; тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации). Религиозным является и учение о скачке из царства необходимости в царство свободы» [2, с. 305].

Иными словами, мифологизированное сознание значительного числа советских граждан могло быть (с точки зрения власти) вполне уместно дополнено соответствующей идеологической конструкцией. Так вошел в агитационно-пропагандистский обиход *марксизм ленинизм – официальная советская идеологическая доктрина. По нашему мнению, ее характерными чертами являлись*

- решительный разрыв с прошлым историко-культурным наследием, с мировой цивилизацией;
- антинародный характер, проявившийся в социальном нетерпении, экстремизме, неразборчивости в средствах достижения социально-политических целей, культе насилия, недоверии к массам, боязни самопознания и пр.;
- религиозный, мифологизированный характер (смотри выше);
- утопичность навязываемого коммунистического идеала, что проявлялось в облегченном представлении и о социализме, и о коммунизме как о немедленном осуществлении вековых чаяний о справедливом и идеальном обществе;
- умозрительное, псевдонаучное конструирование выгодных власти социальных законов;
- произвольное планирование рубежей и показателей социально-экономического развития;
- однозначно формационное понимание процесса мирового исторического развития;
- догматическое обоснование перспектив развития окружающего мира, капитализма, мировой революции;
- ненаучная концепция создания «нового советского человека» и мн. др.

О нереальности «тотальных объяснений идеологического мышления» подробно высказалась Х. Арендт [1, с. 612]. В недавнем прошлом директор Института российской истории РАН А. Н. Сахаров утверждал, что в основе советского тоталитарного государства лежал «суррогат из марксистских идей, имперских традиций, самодержавной амбициозности, революционного мессианства, утопичных общинных иллюзий, убогой гордости невежественных правителей и невежественных масс» [10, с. 7]. Остается удивляться тому, что этот «коктейль Сталина» все еще нравится кое-кому из власть предержащих и в наше время.

Обратимся к некоторым проблемам практической реализации сталинистской идеологии в ходе «социалистического строительства» накануне Великой Отечественной войны.

Известно, что основателем учения об «идеологии» – науке обо всех общих и неизменных законах образования идей – выступили Пьер Жан Жорж Кабанис (1757–1808 гг.) и Антуан Луи Клод Дестютт де Траси (1754–1836 гг.). Именно последний в 1796 г. впервые употребил термин «идеология» в значении «метод установления практических правил воспитания, этики и политики посредством точного познания физиологической и психической организации человека и физического мира» [12, с. 114].

Современное толкование и практическое применение идеологии далеко ушло от первоисточника. Многим помнится марксистский подход, определявший идеологию как научную часть (уровень) общественного сознания, который противопоставлялся общественной психологии – де-факто обыденному сознанию социума. Парадоксально, но наиболее мощные идеологические «вливания» в массы в период коммунистического правления направлялись как раз не в собственно идеологическую, а в психологическую сферу (в вышеуказанной терминологии). Догматически мыслящее население настолько хорошо «выучило» идеологические уроки недавнего прошлого, что прибегает к ним по поводу и без него. Стремление же приспособить марксистско-ленинские идеи к современным реалиям часто выглядит просто комично. Не будем уделять слишком большое внимание дефинициям. *Говоря о сущности идеологии, идеологической работы, обратим внимание на следующее:*

– идеология есть форма непрямого отражения реальности, она, по сути, представляет собой производную (не всегда первого порядка) от сущности объективных явлений и процессов; то есть, идеология – некая модель, внешне правдоподобный слепок окружающего, где реальность искажается, а то и вовсе обретает новые социально-политические и духовные качества, смыслы;

другими словами, идеология:

а) опирается на духовные отношения кажимости и правдоподобия;

б) принимает форму коллективных верований, поскольку навязывается населению, но в большей степени отражает интересы правящей политической элиты, конкретных политических сил;

– в основе идеологии лежит система идеологизмов – положений утвердительного типа, статусных констатаций, якобы не требующих доказательств; сталинистские идеологические каноны по ряду позиций точно совпали с мифологической

конфигурацией традиционного народного духа, что и объясняет живучесть многих (в том числе достаточно вредных) якобы теоретических положений;

– в нашем понимании, СССР являлся де-факто идеократическим государством, в котором система неких абстрактных идей (так называемый марксизм-ленинизм – в форме «Краткого курса истории ВКП (б)» или «ленинского теоретического наследия»), выраженная на языках общественных наук (и даже религии), была положена в основу всей жизни общества, всех политических оценок и пр. Мы полагаем, что это и есть классическая платформа тоталитаризма, которая фрагментарно может вполне существовать и в современном облике (когда тоталитарный контроль за умами и душами граждан осуществляется через стандартизацию образования, внедрение единых учебников, ползучую клерикализацию и пр.); мы также считаем, что современные неототалитарные веяния, несмотря на потуги ряда политических сил, не смогут занять позиции социального доминирования, так как клептократия – в силу принципиальной социальной несправедливости – изначально непривлекательна для большинства.

Для внедрения официальной идеологии в широкие массы населения используются разнообразные методики стереотипизации. Социальный стереотип по своему содержанию близок к традиционной мифологеме; в обоих случаях – это устойчивое и упрощенное представление о меняющихся объектах и процессах как о не меняющихся. Идеологический стереотип отличается и тем, что его содержание чаще всего определяется по бинарному критерию («наше» – «не наше» и т. п.).

Устойчивость стереотипам подобного рода придает, с одной стороны, их содержательная упрощенность (сведение сложных внешних процессов к неким внутренне воспринятым простейшим схемам); с другой стороны, идейно-политические стереотипы живучи и устойчивы, так как действуют как некие психические (внутренне воспринятые) поведенческие автоматизмы. Наконец, устойчивость этих стереотипов предопределяется тем, что социальная динамика, коммуникация и стратификация объективно предполагают необходимость закрепления каких-то (не всегда отрицательных) связей и отношений.

Задачу внедрения социальных стереотипов в общественное сознание решают специальные агитационно-пропагандистские службы, в распоряжении которых находятся система образования, наука, литература, искусство, средства массовой информации и т. п.

Попытка догоняющей модернизации, проводившаяся в СССР в форме коммунистического экс-

перимента, также сопровождалась необходимым идеологическим обслуживанием. Стереотипный уровень марксистско-ленинской идеологии был достаточно прост и конструктивен; уже мало кто помнит «заветы Ленина» или идею «мировой революции»; но многие тренды (такие как «догнать и перегнать», «иначе сомнут», «внутри и вокруг враги, мечтающие нас уничтожить», «революционная целесообразность выше права и морали», «религия – опиум для народа», «если враг не сдается, его уничтожают», «где Сталин – там победа» и мн. др.) продолжают свое существование.

Простое перечисление сталинских идеологем может занять не одну страницу. Обратим внимание на те из них, что обслуживали интересы социальной (прежде всего, военно-патриотической) мобилизации (при тоталитаризме – единственная и насильственная форма организации социальной солидарности).

Выделим две группы мифов, большинство из которых благополучно существует и сегодня (радует, что иногда – в качестве пережитка).

Первая группа негативных идеологических стереотипов связана с военно-патриотической мобилизацией советских граждан в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Стереотипы этой группы имели упрещающий характер, так как были направлены на формирование определенных отношений к еще только готовящимся событиям и процессам. К ним относятся следующие положения:

– Переоценка собственной военной мощи, абсолютизация боевого потенциала РККА.

– Пренебрежительное отношение к армиям вероятных противников, убежденность в политической неустойчивости их тыла.

– Преобладание интернационального воспитания над патриотическим, неопределенность образа врага.

– Убеждение военнослужащих, граждан в справедливости любой войны, которую ведет СССР [9, с. 101–111].

Вторая группа негативных идеологических стереотипов относится к событиям уже начавшейся Великой Отечественной войны. Катастрофа начального периода предполагала ответ на вопрос: кто виноват в таком неблагоприятном положении дел? Естественно, что право ответа на такие вопросы социума принадлежало всевластному центру (и лично И. В. Сталину).

Первый ответ был получен довольно быстро: в неудачном для СССР начале войны оказались виноваты генералы (уже осенью 1941 г. была расстреляна значительная группа военачальников во главе с бывшим командующим Западным

особым военным округом генералом армии Д. Г. Павловым) и солдаты (16 августа 1941 г. увидел свет приказ наркома обороны СССР № 270, в котором виновниками поражений назывались неустойчивые, трусливые и малодушные элементы солдатской массы).

Практически всю войну в той или иной мере И. В. Сталин обращался к объяснению причин неудач армии в начальный период Великой Отечественной войны. Им были названы следующие **причины**:

- неожиданное и вероломное нарушение Германией пакта о ненападении;
- предварительное отмотивирование немецкой армии и ее сосредоточение на исходных позициях (эти две причины были упомянуты в речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. [11, с. 10–11]);
- отсутствие второго фронта в Европе;
- нехватка у РККА танков и самолетов (доклад И. В. Сталина 6 ноября 1941 г. [11, с. 24–26]);
- фашистская Германия вступила в войну, имея почти двухлетний опыт ведения крупных военных операций в Европе с применением новейших средств (доклад И. В. Сталина 23 февраля 1943 г. [11 с. 254–256]).

В данном контексте мы не будем вдаваться в исторический анализ вышеперечисленных причин; важно другое – *их принципиальная несостоятельность проистекает из идеологической заданности, из необходимости внедрить в сознание населения, пусть неуклюжий, но внешне, формально убедительный идеологический нарратив.*

В той или иной форме сталинистские интерпретации событий 1941–1942 гг. дожили до наших дней. По нашему мнению, необходимость честного и беспристрастного исторического анализа такой сложнейшей проблемы назрела уже давно. Этого не происходит из-за стремления власти максимально сохранять идеологический статус-кво, не потерять лицо. Низкий уровень подобной мотивации мы можем понять, обратившись к оценкам, которые в свое время дал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «Сталин боялся германских вооруженных сил, так как страна опоздала с проведением важнейших мероприятий. Сталин все-таки понял, что вся его предвоенная политика оказалась фальшивой» [5, с. 8].

Библиографический список

1. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма [Текст] / Х. Арендт. – М.: Центр Ком, 1996. – 744 с.
2. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Политиздат, 1990. – 476 с.

3. Костиков, В. Кто пьет за здоровье товарища Сталина? [Текст] // Аргументы и факты. – 2009. – № 5. – С. 6
4. Краткая философская энциклопедия [Текст]. – М.: Прогресс, 1994. – 895 с.
5. Маршал Жуков. Каким мы его помним [Текст]. – М.: Политиздат, 1991. – 576 с.
6. Наше Отечество. Опыт политической истории [Текст]. – М.: Terra, 1991. – Ч. II. – 612 с.
7. Орлов, Б. С. Как преодолеть тоталитаризм? [Текст] / Б. С. Орлов // Вестник Академии наук СССР. – 1991. – № 9. – С. 14–36.
8. Осмыслить культ Сталина [Текст]. – М.: Политиздат, 1989. – 714 с.
9. Осьмачко, С. Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст] / С. Г. Осьмачко. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 1999. – С. 782.
10. Сахаров, А. Н. Историческая наука на перепутье [Текст] / А. Н. Сахаров // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М.: Наука, 1996. – С. 6–42.
11. Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза [Текст] / И. В. Сталин. – М.: Политиздат, 1947. – 572 с.
12. Философия [Текст]: энциклопедия. – М.: АСТ, 2007. – 1114 с.

Bibliograficheski spisok

1. Arendt, H. Istoki totalitarizma [Tekst] / H. Arendt. – M.: Centr Kom, 1996. – 744 s.
2. Berdjaev, N. A. Sud'ba Rossii [Tekst] / N. A. Berdjaev. – M.: Politizdat, 1990. – 476 s.
3. Kostikov, V. Kto p'et za zdorov'e tovarishha Stalina? [Tekst] // Argumenty i fakty. – 2009. – № 5. – S. 6
4. Kratkaja filosofskaja jenciklopedija [Tekst]. – M.: Progress, 1994. – 895 s.
5. Marshal Zhukov. Kakim my ego pomnim [Tekst]. – M.: Politizdat, 1991. – 576 s.
6. Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoi istorii [Tekst]. – M.: Terra, 1991. – Ch. II. – 612 s.
7. Orlov, B. S. Kak preodolet' totalitarizm? [Tekst] / B. S. Orlov // Vestnik Akademii nauk SSSR. – 1991. – № 9. – S. 14–36.
8. Osmyslit' kul't Stalina [Tekst]. – M.: Politizdat, 1989. – 714 s.
9. Os'machko, S. G. Krasnaja Armija v lokal'nyh vojnah i voennyh konfliktah (1929–1941 gg.): boevoi opyt i voennaja politika [Tekst] / S. G. Os'machko. – Jaroslavl': Izd-vo JaGTU, 1999. – S. 782.
10. Saharov, A. N. Istoricheskaja nauka na pereput'e [Tekst] / A. N. Saharov // Rossija v HH veke: Sud'by istoricheskoi nauki. – M.: Nauka, 1996. – S. 6–42.
11. Stalin, I. V. O Velikoi Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza [Tekst] / I. V. Stalin. – M.: Politizdat, 1947. – 572 s.
12. Filosofija [Tekst]: jenciklopedija. – M.: AST, 2007. – 1114 s.